

George
ORWELL
1903–1950

Джордж
ОРУЭЛЛ

Дни в Бирме



АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
О 71

Перевод с английского Веры Домитеевой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

© В. М. Домитеева, перевод, 2003, 2004
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19212-6

*Фунты лиха
в Париже и Лондоне*

О, злейший яд, докучливая бедность!

Джефри Чосер

I

Париж, улица Кокдор, семь утра. С улицы залп пронзительных, бешеных воплей: хозяйка маленькой гостиницы напротив, мадам Монс, вылезла на тротуар сделать внушение кому-то из верхних постояльцев. У мадам деревянные сабо на босу ногу, седые волосы растрепаны.

Мадам Монс: «*Sacrée Salope!*¹ Сколько твердить, чтоб клопов не давила на обоях? Купила, что ли, мой отель? А за окно, как люди, кидать не можешь? *Es-rèce de traînée!*»²

Квартирантка с четвертого этажа: «*Va donc, eh! vieille vache!*»³

Следом под стук откинутых оконных рам со всех сторон — разноразной ураганом летящих криков, и половина улицы влезает в свару. Рты затыкаются внезапно, когда минут десять спустя народ смолкает, заглядевшись на проезжающий отряд кавалеристов.

Рисуя эту сценку лишь с целью как-то передать дух улицы Кокдор. Не то чтобы ничего другого тут не случалось, но утро редко проходило без таких взрывов. Атмосфера вечных скандалов, заунывного речитатива лоточников, визга детей, гоняющих

¹ Чертова шлюха! (*фр.*)

² Ну и потаскуха! (*фр.*)

³ Да заткнись, сволочь старая! (*фр.*)

ошметок апельсиновой корки по булыжнику, ночью шумного пения и едкой вони мусорных баков.

Улица очень узкая — ущелье в скалах громаздящихся, жутковато нависающих кривых, облезлых домов, будто застывших при обвале. Сплошь гостиницы, все до крыш набиты постояльцами, в основном арабами, итальянцами, поляками. На первых этажах крохотные «бистро», где шиллинг обеспечивал щедрую выпивку. В субботу вечером примерно треть мужчин квартала напивались в хлам. Велись сражения из-за женщин; арабские чернорабочие, гнездившиеся по углам самым убогим, выясняли свои таинственные разногласия с помощью стульев, а подчас и револьверов. Полицейские патрули ночью улицу обходили только парами. Место, что называется, сомнительное. Тем не менее среди грохота и смрада жили также обычные добропорядочные французы: прачки, лавочники, прочие пекари-аптекари, умевшие, сидя по тихим норкам, скапливать неплохой капиталец. Вполне типичная парижская трущоба.

Моя гостиница называлась «Три воробья». Ветхий мрачный пятиэтажный муравейник, мелко порубленный дощатыми перегородками на сорок комнатушек. В номерах грязь вековая, так как горничных не водилось, а мадам Ф., нашей *patronne*¹, подметать было некогда. По хлипким, спичечной толщины стенам многослойно наляпаны розовые обои, предназначенные маскировать щели и, отклеиваясь, давать приют бесчисленным клопам. Их вереницы, днем маршировавшие под потолком, будто на строевых учениях, ночью алчно устремлялись вниз, так что часок-другой поспишь и вскочишь, творя лютые массовые казни. Если клопы слишком уж допекли, жжешь серу, из-

¹ Хозяйка (*фр.*).

гоняя насекомых за переборку, в ответ на что сосед устраивает серное возжигание в *своем* номере и перегоняет клопов обратно. Жилось тут негигиенично, зато, благодаря славному нраву мадам Ф. и ее супруга, уютно. Стоило жилье от тридцати до полусотни франков в неделю.

Состав народонаселения переменчивый, по преимуществу из иностранцев, являвшихся часто без багажа, квартировавших неделю, затем снова исчезающих. Кого тут только не было — сапожники, землекопы, строители, каменотесы, старьевщики, студенты, проститутки. Встречались фантастические бедняки. На одном из чердаков обитал молодой болгарин, шивший элегантную обувь для американских магазинов. Ежедневно с шести утра до полудня он сидел на койке, изготавливая дюжину пар и зарабатывая этим тридцать пять франков, а остальную часть дня слушал профессоров в Сорбонне. Юноша готовился к поприщу богослова, и труды по теологии раскладывались вверх корешками на полу, засыпанном обрезками кожи. В другом номере проживали русская дама с сыном, называвшим себя художником. Пока сынок болтался из кафе в кафе Монпарнаса, мать по шестнадцать часов в сутки штопала: носок за двадцать пять сантимов. Был номер, что сдавался сразу двум жильцам — служившему днем и работавшему в ночную смену. Был также номер, где на единственной кровати спали вдовец и две его чахоточные взрослые дочери.

Попадались фигуры крайне своеобразные. Парижские трущобы — сборный пункт личностей эксцентричных, выпавших в особую, почти бредовую колею, бросивших даже притворяться нормальными или хотя бы приличными. Нищета избавляет от общих правил так же, как деньги от труда. У некото-

рых из жильцов образ жизни отличался неопи- сываемым чудачеством.

Скажем, чета Ружиер. Парочка старых, лилипут- ского роста оборванцев занималась весьма курьезным ремеслом. Вообще-то, они торговали открытками на бульваре Сен-Мишель. Фокус в том, что открытки, являясь просто видами старинных замков Луары, продавались наглухо запечатанным пакетом — как порнография. Покупатель это обнаруживал чересчур поздно; жалоб, разумеется, не поступало. Наторговы- вая недельную сотню франков и соблюдая строгую экономию, Ружиеры умудрялись всегда держать се- бя в привычном полуголодно-полупьяном равнове- сии. Зловоние из их каморки шибало в нос даже на соседних этажах. По уверению мадам Ф., супруги Ружиер ни разу за четыре года не раздевались.

Или Анри, работник городской канализации. Угрюмый, долговязый и кудрявый, слегка напоми- нающий романтического рыцаря в своих высоких бо- лотных сапогах. Странностью Анри было полное, кроме случаев чисто служебной надобности, безмол- вие — молчал буквально целыми днями. Всего лишь год назад хорошо обеспеченный шофер, регулярно пополнявший банковский счет, Анри в один прекрас- ный день влюбился, натолкнулся на отказ и в бешен- стве поддал любимой крепким ударом футболиста. От пинка девушка зажглась безумной страстью, па- ру недель они прожили вместе, растратив тысячу из кубышки Анри. Затем красотка изменила. Анри вса- дил ей в руку нож и отправился на полгода за ре- шетку. Пронзенная ножом, девушка полюбила Анри жарче прежнего; размолвка была забыта, молодые люди договорились, что Анри, отсидев срок, купит такси, они поженятся и начнут вить свое гнездо. Но через две недели ветреница вновь изменила, так

что ко дню выхода Анри на свободу ждала ребенка. С ножом Анри уж больше не кидался, а снял все свои сбережения и запил, получив в итоге еще месяц тюрьмы, после чего нанялся в службу канализации. Ничто не могло вытянуть из Анри хоть словечко. Спросишь его, почему он решил копаться в городских стоках, ничего не ответит, лишь покажет скрещенные запястья, изображая наручники, и мотнет головой на юг, в сторону тюремных стен. Невезение, видно, разом отшибло у него мозги.

Или вот англичанин Р., полгода живший с родителями в Патни, другие же полгода во Франции. Французский свой сезон он проводил, каждодневно выпивая четыре литра вина, по субботам — шесть литров; однажды даже совершил вояж к Азорским островам, влекомый необыкновенной для Европы дешевизной тамошних вин. Существо нежное и кроткое, Р. никогда не буянил, не ворчал и ни на миг не трезвел. До середины дня лежал в постели, а затем до полуночи сидел в любимом уголке быстро, тихо и методично набираясь. Накачавшись, тоненьким деликатным голосом вел беседы об антикварной мебели. Кроме меня, Р. был единственным в квартале англичанином.

Хватало и других, не менее причудливых персон: месье Жюль, румын, имевший стеклянный глаз, но факт этот категорически отвергавший; лимузенский каменотес Фуре; скряга Руколь, умерший, правда, до моего приезда; Лоран, старик-тряпичник, всегда носивший при себе клочок бумаги, с которого перерисовывал свою подпись. Было бы, вообще говоря, заманчиво изложить несколько биографий. Однако я пишу об окружавших меня курьезных типах лишь потому, что все они — часть темы. А тема моего рассказа — бедность, впервые коснувшаяся меня здесь.

Здесьняя трущоба и диковинные здесьние судьбы преподали мне первый наглядный урок нищеты, положив основание дальнейшим моим упражнениям в этом предмете. Вот почему следует дать некое общее представление о том, что же вокруг творилось.

II

Жизнь нашего квартала. Ну хотя бы наше бистро при входе в отель «Три воробья». Крохотный полуподвальчик, кирпичный пол, мокрые от вина столы, фотография похорон с надписью «Crédit est mort»¹, красные головные платки рабочих, отхватывающих ломти колбасы складными тесаками, пышущее здоровьем лицо мадам Ф., ослепительной крестьянки из Оверни, то и дело глотающей рюмочки маляги «для желудка», перестук костяшек в играх на аперитив и песни про «Les Fraises et les Framboises»², про Мадлен, озадаченную «Comment épouser un soldat, moi qui aime tout le régiment?»³, и чрезвычайно откровенная демонстрация нежных чувств. Чуть ли не вся гостиница сходилась вечерами в нашем бистро; думаю, трудно найти лондонский паб, где бы хоть в четверть так веселились.

Речи порой звучали странные. Как пример приведу монолог малыша Шарля, одного из местных чудаков.

Чтобы представить этого высокообразованного отпрыска благородного семейства, который, сбежав от родных, ныне существовал на получаемые изред-

¹ «Кредит скончался» (*фр.*) — фраза, означающая, что в питийном заведении больше не наливают в кредит.

² «Землянички и малинки» (*фр.*).

³ «Как пойти замуж за солдата, если люблю я целый полк?» (*фр.*).

ка денежные переводы, вообразите пупсика с тугими розовыми щечками, шелком каштановых волос и вишенками ярко-красных влажных губ. Ножки у него малюсенькие, ручки неправдоподобно короткие, на пальцах младенческие ямочки; говорит, пританцовывая, как бы не в силах обуздать шаловливую резвость. И вот три часа дня, и в бистро никого, кроме мадам Ф. да парочки безработных, но перед кем выступать, Шарлю все равно, ведь есть возможность поразглагольствовать о собственной персоне. Витийствует, подобно оратору на баррикаде, звучно модулируя фразы и патетично взмахивая руками. Поросячьи глазки возбужденно блестят, смотреть на него слегка муторно.

Любимый сюжет рассуждений Шарля — любовь.

«Ah, l'amour, l'amour! Ah, que les femmes m'ont tué!»¹

Да, messieurs et dames², женщины меня сгубили, сгубили окончательно и безнадежно. В двадцать два года изнурен, истощен до капли... Но какие тайны открылись мне, в какие бездны я заглянул! Это ли не триумф — обрести высочайшую мудрость, постичь сокровенный смысл бытия, бытия человека поистине raffiné, vicieux...³

...Messieurs et dames, вам грустно, о, конечно! Ah, mais la vie est belle⁴ — я умоляю вас, оставьте грусть и устремитесь к радости!

Наполним же кубки самосским вином,

Забудем о наших печалях!

Ах, как прекрасна жизнь! Слушайте, дамы и господа! Я, столь многое познавший, раскрою, объяс-

¹ Ах, любовь, любовь! Ах, это женщины меня сгубили! (фр.)

² Дамы и господа (фр.).

³ Утонченного, порочного (фр.).

⁴ Но жизнь прекрасна (фр.).

ню вам сущность любви. Я покажу вам, что есть подлинная любовь, подлинная утонченность любовной страсти, высшее из наслаждений, доступное лишь посвященным. Я расскажу вам о счастливейшем дне моей жизни. Увы, минули времена, когда я упивался таким блаженством. Оно навек покинуло меня — и чувство, и даже желание его канули безвозвратно.

Слушайте же, господа. Это случилось два года тому назад; мой брат — он, кстати, адвокат — наведлся в Париж, имея от семьи поручение разыскать меня и пригласить на ужин. Мы с братом ненавидели друг друга, но всегда соблюдали должное почтение к воле родителей. И мы отправились в ресторан, где после третьей бутылки бордо братец изрядно захмелел. Доставив его к нему в отель и купив по дороге бренди, я заставил своего единоутробного выпить целый стакан — уговорил, что это замечательно трезвит. Он выпил, тотчас рухнув словно бездыханный, мертвецки пьяный. Я подхватил тело, оттащил, привалил спиной к кровати, затем исследовал карманы. Тысяча сто франков! Оставалось поторопиться вниз, схватить такси и умчаться. Адреса моего брата не знал — безопасность гарантировалась.

Куда идет мужчина с тугим бумажником? Естественно, в бордель. Вы не предполагаете, конечно, что меня соблазнял какой-нибудь пошлый разврат, услада чумазных рыл? Перед вами, черт возьми, не дикарь! С тысячей франков, как вы понимаете, можно дать волю прихотям самым утонченным. Только в полночь нашлось наконец нечто подходящее. Вдали от бульваров я свел знакомство с очень изысканным юношей лет восемнадцати — смокинг, стрижка а l'américaine¹, — мы разговорились в тихом бист-

¹ Под американца (*фр.*) — коротко стриженные виски и длинные волосы на макушке.

ро, обнаружили сходство вкусов, поболтали о том о сем, о способах развлечься. Вскоре взяли автомобиль и поехали.

Такси остановилось возле узкой безлюдной улочки. Мерцало пятно единственного фонаря, на выщербленной мостовой чернели лужи, по одной стороне тянулась глухая монастырская стена. Мой провожатый подвел меня к высокой развалюхе с темными окнами и постучал. Послышались шаги, задвижка лязгнула, дверь приоткрылась. Вылезла рука — огромная кривая лапа с жадно загнутой прямо перед нашими лицами ладонью.

Провожатый мой, поставив ногу в дверную щель, спросил: „Сколько?“ — „Тысячу, — прохрипел женский голос. — Деньги вперед, иначе ходу нет“.

Я вложил тысячу франков в хищную лапу, а остальные сто отдал милому юноше, который пожелал мне приятной ночи и удалился. Слышно было, как за дверью бормочут, считая купюры, затем тощая старая ворона, вся в черном, высунув нос, долго и подозрительно меня разглядывала, прежде чем впустить. Внутри темно, не видно ничего, кроме трепещущего газового огонька, ярким отсветом на стене только сгущавшего окружающий мрак. Пахло пылью и крысами. Старуха, молча запалив свечку от рожка, так же молча заковыляла впереди по каменному коридору к лестнице.

„Voilà!¹ — проговорила она. — Спускайтесь в подвал и делайте что хотите. Ничего не увижу, не услышу и ничего не буду знать. У вас свобода, ясно? Полная свобода“.

Ах, господа, надо ли описывать — *forcement*², вы и сами это извели — эту дрожь ужаса и восторга,

¹ Ну вот! (*фр.*)

² Неизбежно (*фр.*).

пронзающую человека в подобные мгновения? Ощущью я стал пробираться вниз; тихо, ни звука, только шелест собственного дыхания и шорох своих шагов. На нижней лестничной площадке под рукой обнаружился электрический выключатель. Я нажал кнопку, и массивная гроздь из дюжины стеклянных красных шаров залила весь подвал багровым светом. И не подвал предстал передо мной, а спальня — огромная, вызывающе роскошная спальня, полная до краев оттенками багрянца. Вообразите только, *messieurs et dames!* Красный ковер на полу, красные обои, красный плюш кресел и даже потолок красный — везде горящее, бьющее в глаза красное. Душное красное, будто светящееся сквозь хрустальные чаши крови. В глубине помещения гигантская квадратная кровать с красным, как и все остальное, покрывалом; на постели девица в красном бархатном платье. При виде меня она сжалась, попытавшись закрыть коротенькой юбкой колени.

Я замер в дверях. Позвал: „Иди же ко мне, цыпочка“.

Она испуганно захныкала. Тогда одним прыжком я на кровати; девица вертелась, отворачивалась, но я схватил ее за горло — вот так, накрепко! Она билась и молила о пощаде, но я не ослаблял железной хватки, упорно запрокидывая ей голову и неотрывно глядя в глаза. На вид ей было лет двадцать; широкое коровье лицо напудрено и нарумянено, но все еще лицо глупой девчонки, и в глупых голубых глазенках вместе с бликами красной люстры бился тот сумасшедший страх, узреть который нам дано только во взглядах подобных женских существ. Несомненно, какая-то крестьянка, проданная родителями в рабство.

Без единого слова я, резко дернув, скинул ее на пол. И набросился на нее, как тигр! Ах, восторг, несравненные радости былого! Вот, *messieurs et dames*, что я взялся вам изъяснить, — *voilà l'amour!*¹ Вот любовь подлинная, вот единственно достойный объект стремлений, вот то, рядом с чем все ваши искусства, идеалы, взгляды, теории, благородные позы, возвышенные речи бесцветны и бесплотны, словно пепел. Какое из земных сокровищ окажется для человека, познавшего любовь — истинную любовь, — выше хотя бы тени, призрака этого восторга?

Снова и снова повторял я свои все более свирепые атаки, опять и опять девица пыталась спастись. Она взмолилась о пощаде, но в ответ прозвучал мой хохот. „Пощадить? — рассмеялся я. — По-твоему, я здесь для этого? За это, по-твоему, брошена тысяча франков?“ И клянусь, господа, если бы не цепи проклятого закона, я бы ее тогда угробил.

Ах, как она кричала, с какой отчаянной, горчайшей мукой! Но никто не услышал — под парижскими мостовыми мы были скрыты, подобно фараонам в их пирамидах. Слезы ручьем текли по девичьим щекам, размывая пудру длинными грязными канавками. О, золотые дни! Вам, *messieurs et dames*, вам, не изощрившим любовный пыл, трудно и почти невозможно оценить сладость моего наслаждения. Да и сам я, простившись с юностью, — о моя юность! — никогда уже не смогу вкусить жизни столь восхитительной. Кончено!

Да, все в прошлом — в невозвратном прошлом. Ах, скудость, краткость, тщетность человеческой радости! Ибо на самом деле — *car en réalité*² — сколько

¹ Вот любовь! (*фр.*)

² Поскольку на самом деле (*фр.*).

же длится высочайшее воспарение любви? Нисколько: миг, мгновение, секунду. Секунда блаженного экстаза, вслед за которой прах и пустота.

Итак, всего на миг я взмыл к вершине счастья, затрепетал чувством острейшим и тончайшим из всех возможных... И тут же мгновение пронеслось, а я, покинутый, остался — но зачем? Вся моя страсть, моя свирепость вдруг исчезли, осыпались сухими лепестками увядшей розы. А я остался, безразличный, истомленный, полный напрасных сожалений; в этой внезапной перемене чувств я испытал даже некую жалость к хнычущей на полу девице. Не гнушно ли, что нас подстерегают ловушки столь пошлых эмоций? На девчонку я больше не взглянул, единственным желанием было скорей убраться. Поспешив вверх по ступеням, я выбежал из дома. Тьма и жуткий холод, камни булыжника вторили стуку моих каблуков глухим пустынным звоном. Деньги все разлетелись, не нашлось даже мелочи на такси, и я пешком добирался обратно, в свою холодную одинокую келью.

Вот, *messieurs et dames*, то, о чем обещал я вам поведать. О сущности Любви. О лучшем, счастливейшем дне моей жизни».

Специфическим экземпляром был этот малыш Шарль. Описываю я его исключительно ради иллюстрации пестроты нравов, расцветавших на почве квартала Кокдор.

III

Мое житье-бытье на улице Кокдор длилось примерно года полтора. В один прекрасный летний день я обнаружил себя исчерпавшим финансовый запас

до жалких четырех с половиной сотен и не имеющим сверх того ничего, кроме тридцати шести франков в неделю за уроки английского. Прежде о будущем не думалось, но тут уж стало ясно, что надо срочно что-то предпринимать. Решив начать подыскивать работу, я первым делом — очень мудро, как оказалось, — авансом отдал двести франков в счет оплаты своего номера еще на месяц. Оставшихся денег плюс гонораров от учеников вполне хватало прожить этот месяц, в течение которого место наверняка бы отыскалось. Я намеревался сделаться гидом или, может, переводчиком какой-нибудь из туристических компаний. Увы, злой рок нанес опережающий удар.

В гостиницу явился молодой итальянец, представился наборщиком, хотя выглядел несколько сомнительно, так как длинные баки вдоль щек — цеховой знак занятий либо криминальных, либо сугубо умственных — никак не позволяли определить разряд клиента. Обеспокоенная двусмысленным впечатлением, мадам Ф. строго попросила деньги вперед. Итальянец заплатил, поселившись на неделю. За эти дни он успел изготовить копии нескольких ключей и в ночь перед исчезновением обчистил дюжину комнат, включая и мою. Хорошо еще, вор не вытряхнул все из карманов, я мог бы остаться вовсе без гроша. Остался с капиталом в сорок семь франков (семь шиллингов десять пенсов).

Планы искать работу рухнули. Нужно было научиться жить на шесть франков в день, а это поначалу не позволяет слишком отвлекаться. Тогда и начался мой личный опыт убогой бедности, ибо шесть франков в день если не пропасть нищеты, то вполне ощутимое вступление в ее пределы. Шесть фран-

ков — шиллинг, с этой малостью знающий человек в Париже держится. Но дело хитрое.

Вообще, интересно — первые собственные ощущения бедняка. Предчувствовал, что рано или поздно оно меня настигнет, ждал, робел, готовился, столько раз представлял, а в реальности все неожиданно. Думалось, простота — нет, поразительные сложности. Думалось, кошмар — нет, унылая серая скука. И та особая, чисто бедняцкая *жалкость*, которую для себя открываешь, поневоле учась всяческим мизерным уловкам, крохоборству.

Открываешь еще одну непременно спутницу нищеты — потаенность. Когда внезапно сброшен на уровень шести франков в день, признаться в этом, разумеется, стыдишься, пыжишься притворяться, что все по-прежнему. Изворачиваешься враньем, оплетающим по рукам и ногам и плоховато помогающим. Перестаешь, например, отдавать белье в стирку, а на вопрос поймавшей тебя у подъезда прачки невразумительно бормочешь, и прачка, убежденная, что ты переметнулся к ее конкурентке, с этого дня твой вечный враг. Хозяин табачной лавки неотвязно интересуется, отчего ты стал меньше курить. Скапливаются письма, на которые хотел бы, да не можешь ответить, так как слишком дороги марки. И потом стол — пожалуй, гнуснейшая проблема. На время каждой трапезы уходишь якобы в ресторан и слоняешься, созерцая голубей Люксембургского сада. Провизию затем тащишь к себе тайком, в карманах. Питаешься хлебом с маргарином или же хлебом с вином, причем даже сорт продуктов определяется общим враньем. Хлеб вместо серого ты должен покупать ржаной, поскольку он хоть и дороже, зато круглый, то есть удобнее для контрабандной карманной достав-

ки. На хлеб по франку в день. Иногда ради соблюдения декора приходится выпить стаканчик — соответственно нехватка пищи на шестьдесят сантимов. Белье становится ужасным, кончаются мыло и бритвы. Необходимо подстригаться, результат самостоятельных попыток столь дик, что бежишь к парикмахеру, возвращая достаточно приличный вид ценой дневного рациона. С утра до вечера ложь, и дается она недорого.

Выясняется крайняя ненадежность шести франков в день. Подлые бедствия то и дело лишают пропитания. Истратив последние восемьдесят сантимов на кружку молока, кипятишь его над спиртовкой, во время этой процедуры замечаешь ползущего по рукаву клопа, щелкаешь ногтем — хоп! насекомое падает прямо в молоко. Ничего не поделать: молоко выплескиваешь, сидишь голодным.

Идешь в булочную купить фунт хлеба, ждешь, пока впереди отпускают тоже фунт. Но небрежная продавщица отрезает чуть больше: «Pardon, monsieur, — щебечет она, — не возражаете побольше на два су?» Хлеб по франку за фунт, в кармане ровно франк. Представив, что и тебе вдруг предложат доплатить два су, вынудив сознаться в их отсутствии, спасаешься паническим бегством. Лишь многие часы спустя отважишься снова зайти сюда за хлебом.

Решаешь франк потратить на килограмм картофеля, но одна из монет оказывается бельгийской, и зеленщик ее бракует. Выskalзываешь из лавки, с тем чтобы уже никогда там не появляться.

Забредаешь в респектабельный квартал, видишь идущего навстречу приятеля и, скрываясь, ныряешь в ближайшее кафе. В кафе, однако, надо что-нибудь заказать, так что последние полфранка дарят тебе

чашечку кофе с плавающей сверху дохлой мухой. И череда подобных бедствий бесконечна, являясь частью берущей за горло нужды.

Открываешь, что такое — быть голодным. С комком хлеба и маргарина на дне желудка ходишь, глязешь на витрины. Везде еда, гигантские, оскорбительно расточительные груды: свиные туши, корзины горячих булок, пирамиды желтых плит масла, связки колбас, горы картофеля, огромные, как точильные камни, швейцарские сыры. От вида всей этой массы съестного переполняешься сопливой жалостью к себе. Роятся планы схватить батон и сожрать на бегу, до того как поймают; не решаешься исключительно из трусости.

Открываешь неотделимую от бедности хандру; тянутся дни, когда дел никаких, а сам ты, вялый, недокормленный, ко всему безразличен. Полдня валяешься в кровати, ощущая себя истинным бодлеровским «jeune squelette»¹; возродить «кости, изнывшие от пыток», могла бы лишь еда. Экспериментально устанавливаешь, что после недели на хлебе и маргарине мужчина больше не мужчина, только брюхо с какими-то деталями.

Вот она — описывать ее можно и дальше, но суть та же, — жизнь на шесть франков в день. И многие в Париже так существуют: упорные художники и студенты, проститутки в полосе невезения, всяческий безработный люд. Жители целого своего округа, предместья нищих.

Я осваивал этот стиль бытования около трех недель. Сорок семь франков быстро испарились, при-

¹ «Молодым скелетом» (*фр.*). Из стихотворения Ш. Бодлера «Веселый мертвец» (перевод Эллиса).

шлось выкручиваться на те тридцать шесть в неделю, что приносили уроки английского. С деньгами по неопытности я управлялся плохо, иногда обрекая себя на абсолютно голодный день. Тогда продавал что-нибудь из вещей: украдкой выносил в пакетах и тащил в скупку на улицу Монтань Сен-Женевьев. Скупщиком там был рыжий еврей, наглейший хам, впадавший при виде клиентов в ярость, будто наши визиты его разоряли. «Merde!¹ — кричал он. — Опять явился? Тебе что тут? Бесплатный суп?» Платил он немыслимо мало. За шляпу, стоявшую мне двадцать пять шиллингов, почти не ношенную, бросил пять франков, пять дал за прекрасные ботинки, за рубашки кидал по франку. Всегда норовил не купить, а обменять, пихнув тебе какой-то хлам и прикинувшись, будто сделка состоялась. Однажды на моих глазах, взяв у старухи еще вполне приличное пальто, сунул ей в руку два белых бильярдных шарика и мигом вытолкал, не дав опомниться. Приятно было бы разбить мерзавцу нос, если бы это было по карману.

Трехнедельные тяготы и страхи обещали несомненное ухудшение: надвигался срок платы за гостиницу. Однако стало вовсе не так плохо, как представлялось. На подступах к нищете делаешь среди прочих открытие, которое уравнивает много других. Узнаешь и хандру, и жалкие хитрости, и голод, но вместе с тем и величайшее спасительное свойство бедности — будущее исчезает. В определенном смысле, действительно, чем меньше денег, тем меньше тревог. Единственная сотня франков повергает в отча-

¹ Буквально — «дерьмо!» (*фр.*); популярное ругательство в значении «черт!», «черт бы побрал!», «проклятье!».

янное малодушие; единственные три франка не нарушают общей апатии: сегодня три франка тебя прокормят, а завтра — это слишком далеко. Маешься тоской, но не боишься. Смутно раздумываешь: «Через пару дней придется просто голодать — кошмар ведь?» И рассеянная мысль тускнеет, уползает куда-то в сторону. Хлебно-маргариновая диета неплохо, надо сказать, лечит нервы.

И еще одно чувство, дарующее в нищете великое утешение. Думаю, каждому, кто узнал, почему фунт этого лиха, оно знакомо. Чувство облегчения, почти удовлетворения от того, что ты наконец на самом дне. Часто говорил себе, что докатишься, ну вот и докатился, и ничего, стоишь. Это прибавляет мужества.

IV

Мое преподавание английского внезапно завершилось. Наплывал зной, и один желторотый ленивец, изнемогая над грамматикой, меня уволил. Другой питомец, не предупредив, куда-то переехал, оставшись должным мне двенадцать франков. Я оказался с тридцатью сантимами и без крошки табака. Полтора дня я не ел, не курил, а затем, призванный голоданием к решительности, сложил наличное имущество для срочной сдачи в ломбард. Так наступил конец лжи о благополучии, ведь вынести чемодан из гостиницы без разрешения мадам Ф. я не мог. Помню, однако, ее удивление, когда я обратился к ней с просьбой вместо того, чтобы вытащить вещи тайком, — популярнейшим трюком нашего квартала было «дернуть по-тихому».

Первый раз я увидел французский ломбард. Через величественный каменный портал (естественно, со

скрижалью «Liberté, Egalité, Fraternité»¹, осеняющей во Франции даже двери полицейских участков) входишь в похожее на школьный класс большое голое помещение. Ряды скамеек, на которых человек сорок-пятьдесят. Закладчики отдают у прилавка свои вещи и садятся. Определив цену, клерк выкрикает: «Numéro² такой-то, на пятьдесят франков?» Иногда предлагают всего пятнадцать франков, даже десять, даже пять — сколько бы ни назначалось, слышит это вся комната. Когда я появился, клерк с оскорбленным выражением лица крикнул: «Numéro 83, сюда!» — и, мотнув головой, присвистнул, словно подзывая пса. Numéro 83, бородатый старик в застегнутом до горла пальто и с бахромой на брюках, пошел к прилавку. Клерк молча швырнул ему узел, не стоивший, по-видимому, ничего. Узел упал на пол и развернулся, продемонстрировав четыре пары теплых кальсон. Грянул общий невольный смех. Бедняга Numéro 83, подобрав кальсоны и бормоча что-то, поплелся прочь.

Вещи, которые я отдавал вместе с чемоданом, стояли при покупке более двадцати фунтов и были в хорошем состоянии. Предполагая, что цена им фунтов десять и дадут четверть (ждешь в ломбарде обычно четверть цены), стало быть, франков триста, я не тревожился. Ну в худшем случае получу двести.

Наконец прозвучал мой номер: «Numéro 97!»

— Да, — поднялся я.

— Семьдесят франков?

Семьдесят франков за вещи стоимостью десять фунтов! Но спорить не приходилось; некто пытался

¹ «Свобода, Равенство, Братство» (*фр.*) — национальный девиз Французской Республики.

² Номер (*фр.*).

возражать, и заклад его тотчас был отвергнут. Взяв деньги и квитанцию, я вышел. Одежды у меня осталось лишь то, что было на мне (пиджак с почти протертыми локтями, пальто, которое еще годилось для ломбарда), и одна сменная рубашка. Позднее, к сожалению, слишком поздно, я узнал, что не стоит посещать ломбард с утра. Французские конторщики, как вообще большинство французов, до обеда в дурном расположении духа.

Завидев меня, убиравшая быстро мадам Ф. бросила швабру и поспешила мне навстречу. В глазах заметная тревога насчет квартирной платы:

— Ну как? Сколько вам дали за все вещи? Что, маловато?

— Двести франков, — быстро проговорил я.

— *Tiens!*¹ — вскинула брови мадам Ф. — Совсем, совсем неплохо. Дорога уж, видно, эта английская одежда!

Ложь избавила от весьма неприятных объяснений и, как ни странно, подтвердилась. Спустя несколько дней мне заплатили ровно двести франков, давно обещанные за газетную статью. С болью, однако же немедленно и до сантима весь гонорар я отдал в счет дальнейших недель у мадам Ф. Так что, хотя жить пришлось впроголодь, все-таки была крыша над головой.

Найти работу стало совершенно необходимо, и тут мне вспомнился один русский приятель, официант по имени Борис, который, вероятно, мог бы помочь. Мы познакомились в палате муниципальной клиники, где мне лечили коленный артроз; Борис тогда приглашал заходить в случае любых затруднений.

¹ Вот как! (*фр.*)

СОДЕРЖАНИЕ

ФУНТЫ ЛИХА В ПАРИЖЕ И ЛОНДОНЕ	
<i>Перевод В. Домитеевой</i>	5
ДНИ В БИРМЕ	
<i>Перевод В. Домитеевой</i>	229

Оруэлл Дж.

- О 71 Дни в Бирме : повесть, роман / Джордж Оруэлл ; пер. с англ. В. Домитеевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 544 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-19212-6

Английский писатель, критик, публицист и журналист Джордж Оруэлл (настоящее имя Эрик Артур Блэр) вошел в историю литературы прежде всего благодаря своему последнему роману «1984» (1948, опублик. 1949), который, наряду с «Мы» Е. Замятина и «Прекрасным новым миром» О. Хаксли, стал одной из главных книг-антиутопий XX века.

В настоящий сборник включены два ранних автобиографических произведения Оруэлла: повесть «Фунты лиха в Париже и Лондоне» (1933) — дебютная книга писателя, в которой с репортерской точностью запечатлен опыт сознательного погружения автора на социальное дно жизни, в мир бедняков, бродяг, завсегдатаев трактиров, ночлежек и притонов двух европейских столиц, — и роман «Дни в Бирме» (1934), жесткое и насмешливое обличение романтического мифа о европейской цивилизации, несущей свет колонизированным народам Востока.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

ДНИ В БИРМЕ

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Ольга Попова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 02.03.2021. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 23,97.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru



A-AKB-27919-01-R